

Количественная грамматика и поэтика личных форм глагола в “Гусли доброгласной” Симеона Полоцкого*

Федор Никитич Двинятин

С.-Петербургский государственный
университет

The Quantitative Grammar and Poetics of Finite Verb Forms in the *Gusl' Dobroglasnaia* by Simeon Polotsky

Fedor N. Dviniatin

St. Petersburg State University

Резюме

В статье приводятся данные о количестве и составе личных форм глагола в “Гусли доброгласной” Симеона Полоцкого. Результаты сравниваются с подсчетами по 20 торжественным одам М. В. Ломоносова и 10 одам Г. Р. Державина. В тексте Симеона зафиксирована 851 личная форма глагола, из них 214 относятся к прошедшим временам (имперфект — 73, аорист — 92, прошедшие времена с морфемой -л- — 49), 363 к настоящему, 99 к будущему, 51 к повелительному наклонению, 6 к сослагательному и 118 — формы с участием частицы *да*. Суммарная доля прошедших времен у Симеона (25,1%) близка доле прошедшего у Ломоносова и Державина (21,4% и 23,5% соответственно), также суммарная доля форм неиндикативных наклонений (20,5% против 19,1% и 20,5%). Настоящего времени у него немного меньше, чем у поэтов XVIII в. (42,8% против 50,6% и 49,5%), а будущего — больше (11,6% против 8,9% и 6,5%). Формы прошедшего времени с суффиксом -л- включают 29 форм третьего лица со вспомогательным *есть*, обычно в позиции рифмы. В аористе соотношение глаголов несовершенного, совершенного вида и форм глагола *быти* — 9 : 72 : 11, в имперфекте — 52 : 6 : 15, в прошедших на -л- — 8 : 38 : 3. 99 форм будущего времени разделяются на 69 форм простого будущего, 12 с *имать* и

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 31.38.301.2014.

подобными и 18 с *будет* и подобными (между двумя последними случаями нет семантических различий). 118 форм, имеющих в своем составе *да*, состоят из 65 с настоящим временем, 37 с будущим и 16 с *быти*.

Ключевые слова

грамматика, поэтика, структура текста, глагол, поэзия, количественная грамматика поэтического текста, Симеон Полоцкий, древнерусский язык, церковнославянский язык, XVII век

Abstract

The paper offers data on the quantity and structure of finite verbal forms in Simeon Polotsky's collection *Gusl' Dobroglasnaia*. The results are compared to data from twenty epinician odes by Mikhail Lomonosov and ten odes by Gavriil Derzhavin. We find 851 personal forms in Simeon's collection, of which 214 belong to past tenses (73 to imperfect, 92 to aorist, 49 to past tense with *l* morpheme); 363 belong to present tense; 99 to future tense; 51 to imperative mood; 6 to conjunctive mood; and 118 to the forms with the *да* particle. The total percentage of past tenses in Simeon's texts (25.1%) is close to the parameters appearing in Lomonosov's and Derzhavin's texts (21.4% and 23.5%, respectively), and the same is true for the percentages of non-indicative moods (20.5% vs. 19.1% and 20.5%). Simeon Polotsky's texts contain fewer present tense forms than those written by the 18th-century poets (42.8% vs. 50.6% and 49.5%), but they contain more future tense forms (11.6% vs. 8.9% and 6.5%). Past tense forms in Simeon's texts with *l* suffix include 29 forms of the third person with the auxiliary *iest'* verb, usually given in a rhyme position. In the aorist, the proportion of imperfective and perfective forms to the forms of the *byti* verb is 9:72:11; in imperfect, this proportion is 52:6:15; and in past tenses with *l* suffix, it is 8:38:3. We find 99 forms of the future tense, broken down as follows: 69 are forms of simple future; 12 are accompanied by *imat'* and similar forms; and 18 are accompanied by *budet* and similar forms (there is no semantic difference between these two last cases). Of the forms containing the *да* particle, 65 belong to present tense, 37 belong to future tense, and 16 are accompanied by *byti* forms.

Keywords

Grammar, poetics, structure of text, verb, poetry, quantitative grammar of poetic text, Simeon Polotsky, Old Russian, Church Slavonic, 17th century

Количественная грамматика поэтического текста (КГПТ, см. [Двинятин 2008; 2012; 2013а; 2013б; 2014; 2015]) исследует закономерности массового распределения грамматических форм в поэтическом тексте — в панхронии или диахронии, в тождестве или конкуренции грамматических профилей различных жанров, школ и авторских манер. Вольно или невольно копируя многие подходы русского стиховедения, она отличается от “лингвистики стиха” [ГАСПАРОВ, СКУЛАЧЕВА 2005] отсутствием прямой установки на изучение взаимодействия стиха и языка, а также постановкой ряда более общих и потому менее тонких вопросов; обращение к сравнительно большим корпусам поэтических текстов и

стремление к выявлению тенденций и закономерностей поэтической грамматики отличает ее от “грамматики поэзии” Р. О. Яковсона [1983]. Ресурсы грамматической системы языка КГПТ рассматривает как базу для отбора и реализации в конкретных текстах, причем выбор отчасти предопределен грамматическим репертуаром, а отчасти подразумевает расхождение и свободу, равно как и воздействие поэтической традиции. Отсюда следует преимущественное внимание к грамматическим явлениям, значимым для понимания структуры текста и образующим область взаимодействия грамматических необходимости и свободы: распределению основных морфологических классов (укрупненно понимаемых частей речи), глагольных форм времени, наклонения и лица, падежных форм имени, оборотов с характерными морфологическими позициями.

Проблематика этой заметки отчасти предопределена предыдущими изысканиями. По-видимому, существуют и могут быть выявлены некоторые закономерности в распределении текстообразующих форм глагола в лирическом тексте XVIII–XIX вв., а также в стихотворном эпическом тексте предромантической и романтической эпохи. Например, довольно схожими выглядят результаты по торжественным одам Ломоносова, одам Державина и большим элегиям Жуковского. Это провоцирует обращение к панегирическим стихотворным текстам Симеона Полоцкого, представляющим более ранний аналог той же жанровой модели, что и оды Ломоносова и Державина.

Тексты Симеона Полоцкого рассматривались как являющиеся: а) памятником языка определенного типа — церковнославянского второй половины XVII в., прошедшего известную нормализацию (“новоцерковнославянского”), причем используемого автором, который родился, получил образование и начал свою литературную деятельность на Западной Руси, но затем переехал в Москву и хотя бы отчасти приновил свой язык к московским нормам церковнославянского; б) образцом особого жанра — панегирического, “пред-одического”, со свойственным ему сочетанием коммуникативных регистров, с присущей ему мерой ретроспекций и проспекций (аналепсисов и пролепсисов) и т. д.; в) примером русского стиха определенной эпохи; г) свидетельством предпочтений самого Симеона как языковой личности и как носителя и преобразователя поэтической традиции. Ведущими аспектами были б) и г): язык как таковой и стих рассматривались как исходный набор возможностей и дополнительный фактор, а жанр с его сложной внутренней структурой и авторская манера в пределах жанровой модели обследовались как фактор выбора из предложенной системы ресурсов.

Предпринятые подсчеты пересекаются со сделанными ранее на материале других текстов XVII в., прежде всего летописных [Живов 1995;

ПЕТРУХИН 1996]. В общем понимании семантики видо-временных форм церковнославянского и русского глагола и их текстуальных ролей определяющими были идеи Ю. С. Маслова [2004] и Е. В. Падучевой [1996].

Были выделены и подсчитаны все личные формы глагола из 24 “приветств” “Гусли доброгласной” по изданию И. П. Еремина [СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ 1953: 122–158].

Все глагольные формы были разделены на восемь следующих рубрик: 1) восходящие к древним формам имперфекта — И; 2) восходящие к древним формам аориста — А; 3) формы прошедшего времени, содержащие компонент с суффиксальным *-л-* (перфект, плюсквамперфект, фактически прошедшее время современного типа) — Л; 4) настоящее время — Н; 5) любые формы простого или сложных будущих времен — Б; 6) повелительное наклонение “обычного” типа — П; 7) сослагательное наклонение с *бы-*формами — С; 8) аналитические комбинации *да* с формами настоящего или будущего времени (“подчинительное наклонение” грамматики Мелетия Смотрицкого) — Д.

Немногочисленные формы могут быть интерпретированы двояко. Так, глагол *зрите* в строке 1038 по нумерации указанного издания (*И рече к людем: “Се зрите избранна . . .”* [СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ 1953: 147]) и по форме, и по смыслу контекста может быть принят как за настоящее время, так и за императив, и в обоих случаях 2 л. мн. ч. (в подсчетах отнесен к императивам). Особый случай — серия из четырех глаголов в стихах 856–859 [ТАМ ЖЕ: 142]: *двѣ руцѣ держастъ . . . утверждастъ . . . два льва . . . пристояста . . . устрашаста*. Это, конечно, 3 л. дв. ч., но аориста или имперфекта? После того как в парадигме имперфекта формы на *-шета* и подобные были заменены формами на *-ста* и подобными, а также произошло стяжение суффиксального двойного *-аа-*, в таких формах у глаголов на *-ати* произошла нейтрализация парадигм аориста и имперфекта. Здесь в пользу имперфекта говорил бы несовершенный вид (см. ниже), в пользу аориста — точное совпадение с исходными формами парадигмы аориста. В подсчетах эти формы условно приплюсованы к аористам.

Всего в 24 “приветствах” зафиксирована 851 личная форма глагола, И — 73, А — 92, Л — 49, Н — 363, Б — 99, П — 51, С — 6, Д — 118 (аналитические формы считались в том числе и неполные, когда один вспомогательный глагол или одно *да* относится к целой цепочке форм смысловых глаголов: в таких случаях каждая из этих форм считалась отдельно). Это итоговые числа; им соответствует значительная дробность в отдельных текстах, тематически, семантически и грамматически неоднородных.

Первое, что обращает на себя внимание в полученных результатах, — их высокая мера соответствия итоговым данным по корпусам из

20 торжественных од Ломоносова и 10 больших од Державина. Несмотря на различие грамматических систем (например, у Ломоносова только один случай употребления аориста, а в рассмотренных текстах Державина ни одного: вся область претерита занята только прошедшим временем современного типа), историко-литературных и поэтико-стилевых эпох, основные параметры распределения личных форм глагола оказываются достаточно устойчивыми.

Так, у Ломоносова формы прошедшего времени (581 из общего количества в 2719) занимают 21,4% массива личных форм глагола; у Державина (367 из 1565) — 23,5%; у Симеона Полоцкого суммарное количество И, А и Л равно 214 (из 851), т. е. 25,1%. Доля настоящего времени у двух одических авторов XVIII в. равна соответственно 50,6% (1375/2719) и 49,5% (775/1565), а у Симеона — 42,8% (363/851). Будущее время дает доли в 8,9% (243/2719) и 6,5% (102/1565), а у Симеона — 11,6% (99/851). Суммарная доля неизъявительных наклонений и близких к ним по значению оборотов дает у Ломоносова и Державина 19,1% (520/2719) и 20,5% (321/1565), а у Симеона — 20,5% (175/851).

Таким образом, у Симеона фиксируется немного меньшая доля форм настоящего времени, наоборот, большая — прошедшего и будущего, и приблизительно такая же — неиндикативных наклонений. При этом практически все расхождения имеют мягкий, умеренный характер, и только отличие от Державина по употреблению будущего времени оказывается почти двухкратным.

Можно высказать осторожное предположение, что подобное распределение личных форм глагола (50% или несколько меньше настоящего времени, 20% или несколько больше прошедшего, около 10% будущего, 20% или несколько меньше — повелительного и других неиндикативных форм) — “одический стандарт” — не только характерно для панегирической и одической лирики XVII–XVIII вв., но и в целом весьма распространено в доромантической поэзии (существенные сдвиги относятся только к эпохе первых десятилетий XIX в.).

Столь же осторожно можно объяснять некоторое возрастание у Симеона — по сравнению с ранее проанализированными Ломоносовым и Державиным — форм прошедшего и будущего времени (за счет настоящего): причиной может быть тематический, а точнее говоря, даже ситуационный характер обсуждаемых стихотворений: они написаны на восхождение на трон нового молодого царя и содержат большое количество обращений к его предполагаемой будущей деятельности и в то же время — к его предполагаемым историческим и священноисторическим образцам. В одах Ломоносова, приуроченных к началам царствований, во всяком случае, тоже несколько возрастают доли прошедшего и будущего

времен. В отличие от Ломоносова и Державина, в случае Симеона используется материал одномоментный, не имеющий диахронического измерения; на нем невозможно показать эволюцию Симеона. Также можно отметить, что все отдельно подсчитанные случаи с *да* включают в себя формы настоящего или простого будущего времени, так что образования от основы настоящего при участии формантов настоящего на самом деле дают в тексте более половины личных глагольных форм.

Отдельные формы распределены по текстам неоднородно. Так, в трех первых, больших “приветствиях” (примерно треть текста “Гусли”) суммарная доля прошедших времен составляет около 17%, а в “приветствиях” 12–24 (несколько меньше трети текста) — 39%. Соответственно, в обратной пропорции распределяется настоящее время: в первых трех разделах его доля практически равна 50%, а в разделах 12–24 не достигает и 34%. То же относится к будущему: вначале (1–3) его доля равно примерно 25%, а затем резко падает. Напротив, возрастает к концу текста доля форм с *да*: с 4% (1–3) до 14–17%. Таким образом, суммарная доля настоящего и будущего от начала текста к концу падает в два раза (от 75% к 37,75%), а прошедших времен и форм с *да* возрастает более чем в два раза: от 21% к 56%. Соотношение форм прошедшего времени типа И, А и Л, напротив, достаточно равномерно.

49 форм прошедшего времени с использованием суффикса *-л-* разделяются на:

- а) две формы плюсквамперфекта со вспомогательным глаголом *бѣ*;
- б) шесть форм второго лица со вспомогательным *еси* — эти формы, как известно, в связи с ранним исчезновением исконных форм аориста (и имперфекта) 2 л. ед. ч., омонимичных формам аориста 3 л. ед. ч., в текстах, не ориентированных на церковнославянскую грамматику, а в XVI–XVII вв. и в новом церковнославянском [Кравец 1991: 250–252; Зализняк 2008: 106–112], нейтрализуют парадигмы аориста и перфекта;
- в) 29 — то есть явное большинство — форм третьего лица со вспомогательным *есть*, в большинстве случаев они помещаются на концах строк и образуют рифмопары со своего рода редифом *есть*;
- г) 12 бессвязочных форм фактически прошедшего времени современного типа; любопытно, что из этих двенадцати форм семь представлены всего тремя глаголами: трижды *дал*, *веселило* — *возвеселило* и *секл* — *отсекл*, то есть налицо своеобразные лексико-грамматические микроформулы. Как представляется, все 49 *л-овых* форм относятся к единственному числу.

Представляет интерес распределение форм прошедших времен по категории вида. Из 92 форм аориста 11 представляют собой формы глагола *быти*, 9 — глаголов несов. в. (*имѣша*, стих 471; *имѣ*, 851; *маза*,

1056 (ср. *мазаше*, 1082); *трубиша*, 1059; *гласиша*, 1060; а также четыре вышеупомянутых сомнительных по отнесению к аористу или имперфекту *держастъ*, *утверждастъ*, *пристояста*, *устрашаста*) и 72 — сов. в.

73 случая употребления имперфекта распределяются так: формы от *быти* — 15, глаголов несов. в. — 52, глаголов сов. в. — 6 (*прозваше*, 743; *даше*, 995; *прияше*, 1005; *возсияше*, 1032, 1047; *услышаше*, 1210). В л-овых формах (всего 49) трижды употреблен глагол *быти*, 8 раз глаголы несов. в. и 38 — сов. в. Таким образом, если приплюсовать формы от *быти* к несовершенному виду, соотношение несов. / сов. во всех претеритах будет 98/114 — довольно большая доля имперфективных форм.

99 форм будущего времени разделяются на:

а) 69 форм простого будущего, образованных по модели настоящего от глаголов сов. в. с явной футуральной семантикой;

б) 12 форм, образованных сочетанием вспомогательного глагола *имать* и подобных с инфинитивом смыслового глагола;

в) 18 форм, образованных сочетанием вспомогательного глагола *будет* и подобных с инфинитивом смыслового глагола.

Формы с *имать* и с *будет* могут легко чередоваться и сочетаться в тексте; семантических расхождений между ними не обнаружено.

118 форм, имеющих в своем составе *да*, состоят из:

а) 65 форм “*да* + наст. вр. / несов. в. глагола”;

б) 16 форм “*да* + глагол *быти* в буд. вр.” (единственный глагол, объединяющий несов. в. и буд. вр.);

в) 37 форм “*да* + буд. вр. / сов. в. глагола”.

Любопытно, что сумма употреблений презенса и форм, образованных сочетанием *да* с презенсом (428/851), равна 50% личных глагольных форм у Симеона, что гораздо точнее соответствует доле презенса у Ломоносова и Державина, чем в случае отдельных подсчетов по презенсу.

К каким новым наблюдениям могло бы приблизить введение диахронического параметра, показывает подсчет и анализ личных форм глагола в двадцати одах Ломоносова (1739–1764 гг.) и десяти одах Державина (1779–1799 гг.).

У Ломоносова отмечается большая схожесть отдельных од между собой; большая схожесть отдельных фрагментов од; более свободное и “пестрое” сочетание разных личных форм глагола в отдельных фрагментах — строфах и группах строф. Во всех двадцати одах самыми употребительными являются формы настоящего времени; к концу творческого пути доля презенса среди личных форм глагола снизилась у Ломоносова с 55% — огрубленный результат по тринадцати первым одам — до 41% по семи последним, — то есть на четверть. Самой заметной чертой эволюции количественной грамматики глагола в одах Ломоносова

оказывается возрастание доли и роли форм повелительного наклонения, более или менее постепенное и не возмущающее общих контуров глагольной системы, и все же значительное: в одиннадцати первых одах средняя доля императива (среди личных форм) — 11,5%, а в девяти последних — 21%: почти в два раза. Напротив, история форм прошедшего времени в целом следует принципу единообразия: процент претеритов практически не изменяется по большим периодам ломоносовского творчества: по всему корпусу торжественных од он равен 21%, по первой их половине (десять од) — 21% и по второй половине (следующие десять) — тем же 21% (это не исключает, разумеется, колебания, иногда более резкого, от одной оды к другой, но какого-либо единого направления у колебаний по претериту нет).

У Державина десять рассмотренных од с точки зрения глагольной грамматики резко делятся на три типа; отдельные оды и в еще большей степени их фрагменты подчиняются какой-либо одной доминирующей глагольной манере изложения, в них резко преобладают те или иные личные формы глагола. Четыре оды 1779–1789 гг. демонстрируют господство настоящего времени (от 66% до 83%); несколько упрощая, можно сказать, что эти оды написаны в настоящем времени с некоторым прибавлением других личных форм глагола. “Изображение Фелицы” (тоже 1789 г.) отмечена беспрецедентным преобладанием форм сослагательного наклонения; побочной чертой оказывается повышенная роль императивов (48% и 18% соответственно). Третью группу образуют пять од 1790–1799 гг.: их глагольную основу составляют формы настоящего и прошедшего времени, с регулярным, но не слишком резким преобладанием форм настоящего (в среднем около 33% прошедшего и 47% настоящего); по большей части эти формы настоящего и прошедшего времени в одах третьей группы не распределены по всему тексту в относительно равномерном чередовании, а напротив, большая часть как одних, так и других форм сосредоточена в таких фрагментах, где эти формы либо преобладают, либо представлены вообще исключительно. В целом доли презенса и претерита у Ломоносова и Державина совпадают буквально до процентов; у Державина заметно меньше доли будущего времени (6,5% против 8,9% у Ломоносова) и императива, который у Ломоносова занимает 15,5%, а у Державина только 9%, причем последняя черта особенно заметна на фоне неуклонного повышения доли императива у Ломоносова: державинским 9% у позднего Ломоносова соответствует 21%; если Ломоносов “завещал” русской оде возрастание роли императива, то Державин этого завета не исполнил.

По крайней мере одно отличие панегирических сочинений Симеона Полоцкого от од XVIII в. в области глагольной грамматики предсказать

было бы несложно: старославянская по происхождению система прошедших времен продолжает, с некоторыми изменениями, господствовать в том типе языка, на котором написаны сочинения Симеона; однако суммарные данные его “приветств” по прошедшим временам довольно точно соответствуют данным XVIII в. по новому прошедшему, как бы унаследовавшему не только всю семантическую область старых претеритов, но и их удельное количество в панегирическом тексте. Труднее было бы предсказать долю форм с участием *да* (почти 14%!), занявших значительную часть области неиндикативных наклонений и даже частично оттеснивших настоящее время. *Да*-формы у Симеона играют ту же роль “любимого неиндикатива”, что и императив у Ломоносова и *бы*-сослагательное наклонение у Державина; формулируя несколько смело и огрубленно, можно было бы сказать, что по мере того, как *да*-формы теряют свою актуальность, Ломоносов заменяет их повелительным наклонением, а Державин (сосредотачивая, правда, преимущественно в одном тексте) — сослагательным, после чего элегики следующего поколения могут уменьшить общую долю неиндикативных форм в тексте, отказавшись уделять особое место какой бы то ни было из них (меж тем как от Симеона до Державина общая их доля представляется практически неизменной). И все-таки главным итогом пока видится относительная устойчивость основных грамматических соотношений в глагольной системе панегирической и одической лирики XVII–XVIII вв.

Библиография

ГАСПАРОВ, СКУЛАЧЕВА 2005

ГАСПАРОВ М. Л., СКУЛАЧЕВА Т. В., *Статьи о лингвистике стиха*, Москва, 2005.

Двинятин 2008

Двинятин Ф. Н., “Вторая кульминация генетивной поэтики. Маяковский”, в: W. G. WESTSTEIJN, ed., *Дело авангарда. The Case of the Avant-Garde* (= Pegasus Oost-Europese Studies, 8), Amsterdam, 2008, 81–111.

——— 2012

Двинятин Ф. Н., “Беспредложный творительный в поэтическом тексте П. Филонова: структура текста и «мерцание» семантики”, *Russian Literature*, 71/3–4, 2012, 313–328.

——— 2013а

Двинятин Ф. Н., “Количественная грамматика глагола в торжественных одах Ломоносова”, в: П. Е. БУХАРКИН, С. С. ВОЛКОВ, Е. М. МАТВЕЕВ, ред., *Филологическое наследие М. В. Ломоносова*, С.-Петербург, 2013, 380–401.

——— 2013б

Двинятин Ф. Н., “Распределение основных морфологических классов слов в русском поэтическом тексте”, в: Вяч. Вс. ИВАНОВ, И. А. ПИЛЬЩИКОВ, ред., *Русский формализм (1913–2013). Международный конгресс к столетию русской формальной школы: Тезисы докладов*, Москва, 2013, 232–234.

——— 2014

Двинятин Ф. Н., “Количественная грамматика глагола в десяти одах Г. Р. Державина”, в: П. Е. Бухаркин, Е. М. Матвеев, ред., *Литературная культура России XVIII века*, 5, С.-Петербург, 2014, 164–181.

——— 2015

Двинятин Ф. Н., “Лермонтов и эволюция поэтической грамматики: количественные параметры”, в: М. Н. Виrolайнен, А. А. Карпов, ред., *Мир Лермонтова*, С.-Петербург, 2015, 407–415.

Живов 1995

Живов В. М., “Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки”, *Russian Linguistics*, 1995, 19, 45–75.

Зализняк 2008

Зализняк А. А., “Слово о полку Игореве”: Взгляд лингвиста, Изд. 3-е, доп., Москва, 2008.

Кравец 1991

Кравец Е. В., “Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI века”, *Russian Linguistics*, 15/3, 1991, 247–279.

Маслов 2004

Маслов Ю. С., “Структура повествовательного текста и типология претеритальных систем славянского глагола”, в: Он же, *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*, Москва, 2004, 216–246.

Падучева 1996

Падучева Е. В., *Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва, 1996.

Петрухин 1996

Петрухин П. В., “Нарративная стратегия и употребление глагольных времен в русской летописи XVII века”, *Вопросы языкознания*, 4, 1996, 62–84.

Симеон Полоцкий 1953

Симеон Полоцкий, *Избранные сочинения*, И. П. Еремин, подгот., статьи и коммент., Москва, Ленинград, 1953.

Якобсон 1983

Якобсон Р., “Поэзия грамматики и грамматика поэзии”, в: Ю. С. Степанов, ред., *Семиотика*, Москва, 1983, 462–482.

References

Dviniatin F. N., “Vtoraia kul'minatsiia genetivnoi poetiki. Maiakovskii,” in: W. G. Weststeijn, ed., *Delo avangarda. The Case of the Avant-Garde* (= Pegasus Oost-Europese Studies, 8), Amsterdam, 2008, 81–111.

Dviniatin F. N., “Bespredlozhnyi tvoritel'nyi v poeticheskom tekste P. Filonova: struktura teksta i «mertsanie» semantiki,” *Russian Literature*, 71/3–4, 2012, 313–328.

Dviniatin F. N., “Kolichestvennaia grammatika glagola v torzhestvennykh odakh Lomonosova,” in: P. E. Bukharkin, S. S. Volkov, E. M. Matveev, eds., *Filologicheskoe nasledie M. V. Lomonosova*, St. Petersburg, 2013, 380–401.

Dviniatin F. N., “Raspredelenie osnovnykh morfologicheskikh klassov slov v russkom poeticheskom tekste,” in: Viach. Vs. Ivanov, I. A. Pilshchikov, eds., *Russkii formalizm (1913–2013). Mezhdunarodnyi kongress k stoletiiu russkoi formal'noi shkoly: Tezisy dokladov*, Moscow, 2013, 232–234.

Dviniatin F. N., “Kolichestvennaia grammatika glagola v desiati odakh G. R. Derzhavina,” in: P. E. Bukharkin, E. M. Matveev, eds., *Literaturnaia kul'tura Rossii XVIII veka*, 5, St. Petersburg, 2014, 164–181.

Dviniatin F. N., “Lermontov i evoliutsiia poeticheskoi grammatiki: kolichestvennye parametry,” in: M. N. Virolainen, A. A. Karpov, eds., *Mir Lermontova*, St. Petersburg, 2015, 407–415.

Eremin I. P., ed., *Simeon Polotskii. Izbrannye sochineniia*, Moscow, Leningrad, 1953.

Gasparov M. L., Skulacheva T. V., *Stat'i o lingvistike stikha*, Moscow, 2005.

Jakobson R., "Poeziia grammatiki i grammatika poezii," in: Yu. S. Stepanov, ed., *Semiotika*, Moscow, 1983, 462–482.

Kravets E. V., "Knizhnaia sprava i perevody Maksima Greka kak opyt normalizatsii tserkovnoslavianskogo iazyka XVI veka," *Russian Linguistics*, 15/3, 1991, 247–279.

Maslov Yu. S., *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee iazykoznanie*, Moscow, 2004, 216–246.

Paducheva E. V., *Semanticheskie issledovaniia: Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa*, Moscow, 1996.

Petrukhin P. V., "Narrativnaia strategii i upotreblenie glagol'nykh vremen v russkoi letopisi XVII veka," *Voprosy iazykoznanii*, 4, 1996, 62–84.

Zalizniak A. A., *"Slovo o polku Igoreve": Vzgljad lingvista*, 3rd edition, Moscow, 2008.

Zhivov V. M., "Usus scribendi. Prostyie preterity u letopistsa-samouchki," *Russian Linguistics*, 1995, 19, 45–75.

Федор Никитич Двинятин, канд. филол. наук

доцент кафедры русского языка филологического факультета

С.-Петербургский государственный университет

199034 С.-Петербург, Университетская наб., 11

Россия/Russia

f.dvinyatin@spbu.ru